

HARLEQUIN®

Иллюстрации

Эни Маскалестер

**В КОЛЬЦЕ
ТВОИХ РУК**

Энн Макалистер

В кольце твоих рук

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151025

Макалистер Э. В кольце твоих рук : Радуга; Москва;

Оригинал: AnneMcAllister, "The Cowboy Steals a Lady"

Перевод:

Марина Коврова

Аннотация

Шейн Николс – человек действия. Он не мог допустить, чтобы любимая девушка его друга вышла замуж за другого, и решился на отчаянный поступок – похищение невесты накануне свадьбы. Однако он совершил ошибку и украл не ту девушку...

Содержание

Первая глава	4
Вторая глава	26
Третья глава	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Энн Макалистер

В кольце твоих рук¹

Первая глава

Шейн Николс не находил себе места.

Его старший брат Мэйс сказал бы, что добром это не кончится. Все-таки Мэйс знал Шейна на протяжении всех тридцати двух лет его жизни. Мэйс помнил и опрокинутый туалет во дворе, и камушки под седлом, и клей «Момент» в коробке для карандашей мисс Стедмен, и зудящий порошок в белье старика Хулиэна. И, конечно же, он помнил цыпленка...

Поэтому врачу, велевшему Шейну отлежаться, Мэйс посоветовал бы подкрепить свое предписание решительными действиями: например, привязать Шейна к кровати.

Конечно, доктор Ривс не знал Шейна так, как знал его Мэйс. Поэтому он ограничился краткой нотацией. Мол, не каждый день человеку пришивают заново его большой палец. Тут требуется длительное лечение. А значит, Шейн может расслабиться, взять небольшой отпуск, наслаждаться жизнью вместо того, чтобы отбивать себе задницу на родео.

Такому хорошему совету последовало бы большинство парней.

Но только не Шейн.

Его вечно тянуло на подвиги. Именно так он потерял свой большой палец — в дурацком происшествии с участием пустого автоприцепа и пугливой лошади. Шейн бросился на помощь, и поплатился за это.

Ладно, ради друга он готов на что угодно. Но он устал расплачиваться. Ему и так пришлось бездельничать целых три недели на маленьком ранчо близ Элмера, штат Монтана, воспользовавшись приглашением брата. Это хуже тюрьмы.

Шейн помогал Мэйсу вести учетные книги, в которые заносились достоинства каждого бычка и каждой дойной коровы из его стада. Мэйс мог заниматься этим до бесконечности.

Но Шейн на стенку лез от скуки.

Он поглощал в огромных количествах еду, приготовленную Дженни, его невесткой. Она стряпала для него самые любимые блюда. Шейн мог бы вовсе разжиреть и облениться, наслаждаясь домашним уютом. Все-таки, на ранчо, хоть и не слишком большом, было куда просторнее и удобнее, чем в привычном грузовике.

Но большие размеры дома означали только то, что Шейн мог убивать время, слоняясь из комнаты в комнату.

Он играл с обожающими его племянниками, Марком и Тони, и рассказывал им байки о родео. Но даже греясь в лучах своей славы, он до боли хотел вернуться к своему прежнему занятию. Шестилетняя племянница, Пилар, с радостью развлекала его исполнением на пианино песенки «Мы на ло-

дочке катались» – это можно было слушать в первые сто пятьдесят раз, но не вечно.

Шейну начало казаться, что прошла вечность.

А Шейн Николс никогда не стремился к постоянству.

Он был деятельным, неутомимым, увлекающимся человеком.

Острые ощущения необходимы ему, как воздух.

Ему не хотелось больше кататься на лодочке – только на машине мощностью в сто пятьдесят лошадиных сил. Ему не хотелось рассказывать о том, как ездят на быках; он хотел сам поучаствовать в этом! Ему надоело коротать вечера у камина и укладываться спать пораньше.

Шейн хотел света. Шума. Действия.

Поэтому он заглянул в «Бочку» в Ливингстоне тем холодным январским вечером. Впервые после несчастного случая он оказался в баре. Особого смысла в этом не было. Пить все равно было нельзя.

– Это вредит кровообращению, – говорил доктор Ривс, выписывая Шейна из Портлендской больницы три недели назад. – Палец должен хорошо снабжаться кровью. Поэтому... ничего спиртного. Никакого кофе.

Затем он непременно добавил бы: «Никаких женщин», – мрачно подумал Шейн.

Не обязательно иметь высшее медицинское образование, чтобы понять: если кровь приливает к определенному органу его тела, значит в пальце ее останется меньше. К счастью,

Шейн успел сбежать до того, как старина Ривс вспомнил об этом!

Это вовсе не означает, что Шейн был бабником.

Тем более, сейчас.

Он частенько имел дело с поклонницами, с фанатками родео, готовыми составить ему компанию во множестве баров по всей Америке. Они восторженно хлопали ресницами, записывали телефонные номера на салфетках и магазинных чеках, и... однажды... на кожаной наклейке на задку его джинсов.

– Но, дорогуша, я же не смогу это прочитать, – возразил Шейн.

Девушка хихикнула, продемонстрировав ямочки на щеках, и поцеловала его в губы.

– Знаю, милый. Но каждый раз, снимая штаны, ты вспомнишь обо мне.

Сейчас он думал о ней. Кровообращение в его пальце явно нарушилось. Шейн ничего не мог поделать. Он уже целую вечность не спал с женщиной.

Если ему было тяжело наблюдать, как брат заигрывает с Дженни, то знать о том, чем они занимаются в его отсутствие, в тысячу раз хуже!

Он мог выносить их воркотню недолгое время – скажем, рождественский вечер или парочку выходных.

Но три недели!

Нет уж, хватит.

Шейн нуждался в разрядке. Это и привело его в «Бочку», где он с радостью встретил своего старого приятеля и коллегу, Кэша Каллахана, наедине с бутылкой виски.

Шейн с вожделением взглянул на виски, и отхлебнул имбирного пива.

– Имбирное пиво? – недоверчиво переспросил Кэш, когда Шейн сделал заказ.

– Врач посоветовал, – ответил тот.

Теперь, после третьего стакана, разрядкой и не пахло, зато палец начал пульсировать. Шейн пришел к мысли, что небольшое нарушение режима вряд ли ему повредит.

Его останавливало только желание и дальше участвовать в родео.

Он не знал, что будет делать, если не сможет ездить верхом. Родео стало делом его жизни еще со старших классов школы. Он закончил учебу только потому, что в противном случае брат спустил бы с него шкуру. Но как только Шейн получил свой аттестат, в ту же минуту он помчался делать себе имя в мире родео.

Пусть он не мог сравниться с Джимом Шоулдерсом или Туффом Хедманом, но он семь раз выходил в финал национальных состязаний. Он оказался вторым в тот год, когда его старый приятель Таггарт Джонс выиграл мировой чемпионат. Дважды он получал бронзу.

Конечно, это не считается. В расчет берется только золотая пряжка. Но я еще смогу ее выиграть, – сказал себе

Шейн, – если смогу ездить верхом.

Он должен ездить. Это его жизнь.

Шейн продолжал пить имбирное пиво.

Кэш продолжал пить виски.

– Не понимаю, чего ей было не подождать, – пробормотал он, склонившись над стаканом.

Шейн, уверенный, что речь идет о лошади, на которой Кэш ездил в Денвере, переспросил:

– А? Кому ей? Чего ждать?

– Милли. – Кэш мотнул головой в сторону нескольких девушек, сидящих за столиком у окна.

Шейн обратил на них внимание сразу, как только вошел. Поскольку все его мысли вертелись вокруг женщин, он не мог их не заметить.

Их было четверо, они ели, переговаривались и смеялись. Пили вроде бы мало. Шейн углядел два бокала пива и два слабеньких коктейля. Эти же бокалы стояли перед ними и час назад, когда он только зашел в забегаловку. Очевидно, пьяниц среди них нет.

– Кто такая Милли?

– Моя подружка. Бывшая подружка. – Кэш подлил себе виски из бутылки, которую бармен предусмотрительно оставил рядом с его стаканом. Он осушил виски одним глотком и стукнул стаканом о стойку. – Черт бы ее подрал.

Шейн повернулся, чтобы лучше видеть девушек. Он сомневался, что какая-нибудь из них пришлась бы по вкусу

Кэш у Каллахану. Насколько ему было известно, Кэш всегда предпочитал толстых, крикливых женщин.

Ни одна из этих ему не подходила.

Все они были свеженькими, жизнерадостными и совсем не напоминали завсегдатаев «Бочки».

– Что они здесь делают?

– Отмечают, – буркнул Кэш себе под нос.

Шейн насмешливо изогнул бровь.

– Традиция, – пояснил Кэш. – Так уж повелось у местных девчонок. Приходят в «Бочку» с подружками перед свадьбой.

– А откуда это пошло.

Кэш пожал плечами.

– Черт его знает. Нашел у кого спрашивать. Милли говорила, это началось, когда одна девица подбила вторую перепробовать оставшихся мужиков, прежде чем выходить замуж. Попытать судьбу, что называется.

Кэш налил себе очередную порцию, снова стукнув бутылкой о стойку, и залпом выпил.

– Сдуреть можно. – Он, нахмурившись, взглянул на девушек.

Шейн отпил имбирного пива и тоже посмотрел в их сторону.

– Интересный обычай, – заметил он. – В Элмере я не слышал ни о чем подобном. Конечно, у нас там только «Капля росы». Туда такие парни ходят, что и взглянуть страшно.

– Хватит и одного парня. – Кэш снова стиснул бутылку так, что побелели костяшки пальцев. Он не сводил глаз с де-вушек за столиком.

Они на него не смотрели.

– Которая из них Милли? – спросил Шейн.

– Красотка. – Кэш уставился в стоящий перед ним стакан. – Длинные темные волосы. Зеленые глаза.

Шейн наконец узнал ее. Конечно, с такого расстояния он не мог разглядеть цвет глаз, но красивой была только одна. Она перехватила его взгляд. Да, волос у нее столько, что в них можно запутаться. Но первым делом Шейн заметил ее улыбку, ее смех – горловой, мелодичный.

Он понятия не имел, что ее рассмешило. Но ее живая улыбка, ее искреннее веселье было очень заразительным. При виде ее Шейн и сам не мог удержаться от улыбки.

– Ага, – сказал он, оценив вкус Кэша, – девочка что надо.

– Она такая, – мрачно согласился Кэш.

– Тогда почему вы расстались?

– Она устала ждать. – Кэш поболтал стаканом с виски, затем сделал глоток и зажмурился. Шейн, всего лишь наблюдая за ним, и то почувствовал жжение в глотке. – Как все женщины, – буркнул Кэш. – Это я должен был ее ждать. Дождаться дождичка в четверг. А она ждать не захотела. Сказала, что жизнь проходит, что все ее подружки повыходили замуж, а мы когда поженимся? Черт, я что, похож на человека, готового к женитьбе? – Он с вызовом взглянул на Шейна.

Естественно, Шейн покачал головой.

– Нет. Конечно, нет.

Шейн тоже не считал себя готовым к браку. Свадьба – это событие, которое происходит с кем-то другим, но не с ним.

– Скоренько, ответил я. Скоро мы это сделаем, – продолжил Кэш. – Дай срок, я ей сказал. Черт, я же не просил ее ждать до бесконечности! А прошлым летом ее подружка выходила замуж, они приперлись сюда на их чертов девичник, и она его встретила.

– Его?

– Даттона. Майка Даттона. Настоящая находка для женщины... или, по крайней мере, для Милли Мэлоун. Она выходит за него в субботу.

– Ну и ну.

– Вот и я говорю. Так она мне отплатила. – Кэш допил виски и окинул яростным взглядом девушек за столиком. – Она сказала, чтобы я уматывал. Сказала, что я проиграл. Проиграл ее. – Его руки сжались в кулаки, он начал подниматься, но пошатнулся и снова плюхнулся на табурет. – Дерьмо, – буркнул он. – Вот дерьмо.

– Понимаю, – сочувственно сказал Шейн. Он был искренне убежден, что Кэш должен радоваться, ускользнув из брачной ловушки.

– Ага, – поддакнул Кэш. – Чушь это все. Она его не любит! Она любит меня!

– Конечно, – согласился Шейн. Он всегда готов поддер-

жать приятеля. И, скорее всего, это правда.

Кэш Каллахан был славнейшим малым. Против его улыбки не могла устоять почти ни одна женщина. Шейн понятия не имел, что из себя представляет Майк Даттон, но мог поспорить, что Кэшу он в подметки не годится.

– Она пожалеет. – Кэш положил локти на стойку бара, подперев голову кулаками. – Горько пожалеет. Утром в воскресенье она проснется рядом с этим ничтожеством и поймет, что совершила ошибку. Но будет слишком поздно. Сейчас уже слишком поздно, – добавил он заплетающимся языком, опустив голову на стойку.

– Еще не поздно, – решительно возразил Шейн. – Она еще не вышла замуж. Поговори с ней. Скажи...

– Она не будет слушать. – Глаза Кэша закрылись. Он подергал бровями, пытаясь открыть их снова. – Я пробовал.

– Заставь ее выслушать. Потребуй. – Это единственный способ удержать женщину. Шейн это твердо знал.

– Ага, верно. – Кэш вздохнул. – Я остановил бы свадьбу, если бы был здесь, – задумчиво сказал он. – Тогда ей бы пришлось выслушать.

Шейн усмехнулся.

– Думаю, да. – Он украдкой взглянул на смеющихся женщин.

Она тоже посмотрела в их сторону, ее взгляд скользнул по Шейну и остановился на Кэше. Она смотрела на него долго, сочувственно, затем решительно отвернулась к улыбающимся

ся подругам.

Шейн услышал ее смех. Неужели ее радует горе Кэша? Его охватила досада. Хотел бы он увидеть ее лицо, когда Кэш встанет с церковной скамьи и выразит свой протест!

– А почему тебя здесь не будет? – с жаром спросил он.

– Не могу. Мне досталась шикарная лошадь в Хьюстоне. Свобода. – Имя лошади он произнес с благоговением.

Шейн присвистнул.

– Повезло. – Можно по пальцам пересчитать лошадей, способных принести своим наездникам верный выигрыш. Одной из них была Свобода. С такой лошастью можно загрести кучу денег.

Кэш кивнул с серьезным видом.

– Как видишь, я должен ехать. – Он пожал плечами. – Если бы она подождала, я вернулся бы во вторник...

Она не подождет.

Кэш знал это. И Шейн тоже.

Она пойдет напролом и выйдет замуж за старину Даттона просто потому, что Кэша не окажется рядом и он не сможет ее остановить. Как жаль, что женщины вечно такие нетерпеливые.

Шейн посмотрел на девушек глазами своего друга.

Та, которая с длинными темными волосами... Милли... снова встретила с ним взглядом, но тут же отвернулась.

Ей стыдно, – подумал Шейн. – И поделом.

В мире нет парня лучше, чем Кэш Каллахан. Иногда он

ударяется в загул. При случае он может выпить больше, чем следует. Он способен думать, что хорошая лошадь стоит поездки в Хьюстон. Но он всегда окажется рядом, если в нем нуждаются. Шейн это знал.

Но знает ли это Милли?

Шейн возмущенно покачал головой.

– Ну что, готов в путь? – Деннис Купер, один из спутников Кэша, неуверенной походкой вошел в бар.

Кэш молча уставился на опустевшую бутылку. Затем медленно повернулся всем телом, чтобы в последний раз взглянуть на девушек за столиком. Они смеялись и болтали. Ни одна из них – тем более, красотка, как заметил Шейн – не обращала на него ни малейшего внимания.

Кэш вздохнул.

Деннис взглянул на часы.

– Лучше бы нам выехать, чтобы успеть до бури.

– Какой еще бури?

– Марк слышал по радио. Сказали, ожидается сильный ветер. Задует к утру. Так что пора нам двигаться на юг.

Кэш вылил из бутылки последние капли виски и повертел в руке стакан.

– Думаю, да, – сказал он. – Здесь мне больше нечего ловить.

Он зажмурился, запрокинул голову и осушил стакан. Его кадык дернулся, и губы плотно сжались.

Затем Кэш открыл глаза, моргнул и торопливо поднялся

на ноги.

– Идем, – пробормотал он и легонько толкнул Шейна в плечо. – Не переживай. – Уголок его рта изогнулся в страдальческой улыбке. – И не делай ничего такого, чего бы я не сделал.

Шейн усмехнулся.

– Оставляешь мне поле деятельности, да?

Кэш рассмеялся.

– Чертовски верно.

Затем он глубже надвинул шляпу и расправил плечи. Кривоногий Кэш разболтанной походкой направился вслед за Деннисом к двери.

Шейн взглянул на Милли, чтобы увидеть, посмотрит ли она ему вслед.

Станет ли она смотреть, как он уходит из ее жизни? Почувствует ли она его боль? Разделит ее?

Поравнявшись со столиком, Кэш повернул голову и взглянул на девушек, не тайком, не украдкой. Он не сводил с них глаз, проходя мимо.

Они продолжали хихикать и болтать без умолку. Темноволосая подняла стакан, произнося тост. Шейн услышал горловой, веселый, мелодичный смех. Он отлично знал, кто это смеется.

Кэш дошел до двери, постоял немного.

Смех раздался снова.

Ссутулившись и опустив голову, Кэш вышел. Дверь с гро-

хотом захлопнулась за ним.

Сразу после его ухода темноволосая красotka подняла глаза. Ее взгляд метнулся к двери. На лице отразилась печаль. Она вздохнула, повернулась к остальным девушкам и что-то сказала. Затем, с несчастным видом покачав головой, отхлебнула пива.

Значит, и у нее есть чувства.

Шейн тоже сделал долгий глоток имбирного пива.

Над этим стоило поразмыслить.

* * *

Он думал об этом. Всю ночь.

Он принял решение. Он должен спасти ее от ужасной ошибки.

Есть только один способ.

Очевидно, она не намерена спасти себя сама. Она не станет отменять свадьбу.

Весь следующий день Шейн шатался по городу и слушал сплетни. Ждал. Наблюдал. Надеялся. Ничего не изменилось. Свадьба должна состояться.

Пошел снег. Шейн включил обогреватель в своем грузовике. Милли вышла из цветочного магазина около полудня. Она погрузила цветы в фургон с надписью «Розовый сад» и уехала.

– Куда это Милли поехала в фургоне цветочницы? – спро-

сил Шейн у продавщицы из хозяйственного магазина напротив.

– Так ведь она там работает, – пояснила девушка, не отрывая взгляд от коробок, которые складывала.

Доставив цветы, Милли поднялась в квартиру над книжным магазином. Шейн проследил за ней. Он решил, что здесь она живет. Интересно, не стоит ли постучать к ней в дверь и представиться, а затем попробовать убедить ее не совершать ошибки?

Ага, точно. Можно подумать, он сможет ее уговорить, если Кэш не смог! Кроме того, язык у него не так хорошо подвешен. В его стиле – действие, а не болтовня.

Что же делать?

Он все еще раздумывал над этим, когда она вышла из квартиры и вернулась в цветочный магазин. Шейн поехал за ней. Она пробыла там до закрытия вместе с еще одной девушкой, которую он видел в «Бочке». Они сели в цветочный фургон и умчались по заснеженной улице.

Шейн ехал за ними до самой церкви. Там собралась целая куча народу. Все вошли внутрь. Шейн сидел в своем грузовике, смотрел и ждал. Он знал, что они делают – репетируют.

Время пролетело быстро. Снег, начавшийся утром, пошел еще сильнее. Час спустя, когда они вышли из церкви, на земле лежал слой снега сантиметров в двадцать.

Милли и остальные разбежались по машинам и двинулись все в одном направлении.

Шейн последовал за ними. Они подъехали к ресторанчику «У Хаггинса» на окраине города. На этот раз Шейн не стал сидеть в машине, а направился напрямик в бар. Отсюда ему прекрасно был виден небольшой обеденный зал, куда они вошли. Попивая имбирное пиво, он пытался выработать план действий.

Он был весь погружен в размышления, когда внезапно Милли вышла из обеденного зала, направляясь в туалет. Их взгляды встретились.

На секунду все замерло. Смех. Разговоры. Звон стаканов. Звяканье кубиков льда.

И его сердце.

Его сердце?

Шейн кашлянул. Он мысленно встряхнул себя и перевел дыхание. Нет, только не сердце. Его сердце прекрасно работает, слава Богу. Бьется, как и всегда. Может, чуть-чуть быстрее. Но уж точно не замирает.

В помещении слишком накурено. Слишком душно. Он слишком много думал. Шейн отвернулся.

Милли ускорила шаг.

Шейн допил имбирное пиво и потребовал еще. Несколько секунд спустя он решительно осушал свой стакан, когда она вышла. Она не смотрела в его сторону. Шейн не смотрел на нее. Ради Бога, он ведь знает, как она выглядит!

Просто ему нужен план.

Он должен уйти и забыть обо всем. Это безумие – оши-

ваться здесь. Но он ведь не может позволить ей выйти замуж за неподходящего мужчину, правда?

Наконец вечеринка закончилась и Милли с друзьями ушла, смеясь и переговариваясь.

Шейн отставил стакан, бросил несколько купюр на стойку бара и последовал за ней.

Кэш остановил бы ее, если бы был здесь, — убеждал себя Шейн.

Но Кэш сейчас в Хьюстоне, готовится к самым важным скачкам в своей жизни. Он не может совершить то, что должен.

Значит Шейн сделает это за него.

* * *

В конце концов это оказалось даже легче, чем он ожидал.

Парень, вся жизнь которого зависит от того, сумеет ли он в течение восьми секунд удержаться на спине быка, быстро учится пользоваться любой подвернувшейся возможностью.

Когда Милли и девушка из цветочного магазина распрощались с гостями и залезли в фургон, Шейн забрался в свой грузовик, подождал, пока они скроются за углом, и поехал следом.

Буря, которую Деннис хотел избежать, налетела в полную силу. Теперь, засунув поврежденную руку подмышку, Шейн удерживал руль здоровой рукой, прокладывая себе

путь сквозь сугробы. Куда черти понесли этих девиц в такое время?

Ответ был очевиден. Назад в цветочный магазин.

Шейн остановился у перекрестка и, погасив фары, но не заглушив мотор, стал смотреть, как они вылезают из машины и идут к двери магазина.

Секунду спустя они вошли внутрь и включили свет. Они же не собираются прямо сейчас заниматься цветами, верно?

Но почти сразу дверь отворилась, девушки вышли с букетами и, прикрывая их от снега, понесли к фургону. Милли чуть не падала под тяжестью своей ноши.

Шейн покачал головой. Какого черта она делает? Готовит цветы к собственной свадьбе?

Он подождал. Чтобы закончить, им пришлось сделать четыре ходки. Затем они выключили свет в магазине и вернулись в фургон. Когда они свернули за угол, Шейн выехал на заметенную снегом улицу и направился вслед за ними.

Дорога была пустынной. Все здравомыслящие люди давно уже разбежались по домам.

Шейн полз еле-еле, держась от девушек на таком расстоянии, чтобы можно было видеть сквозь снег только свет их задних фар. Далеко они не уедут. И, добравшись до угла, за который они свернули, он уже понял, куда они направляются. Да, очевидно, она готовит цветы к собственной свадьбе.

Девушки остановились у церкви и начали выгружаться. Когда они наконец исчезли в здании, Шейн подогнал грузо-

вик поближе.

Он только-только выключил двигатель, когда они появились снова, уже налегке. Они смеялись, и кружились, раскинув руки.

Сквозь запотевшее ветровое стекло Шейн видел снежинки, блестящие у Милли в волосах.

Он не слышал ее смех, но мог себе его представить. Воспоминание об этом горловом, мелодичном смехе наполнило его желанием.

– Черт. – Шейн поерзал по холодному сиденью, заметив, что джинсы внезапно стали ему слишком тесными.

Ему и вправду нужно найти себе женщину! Он не из тех, кто способен положить глаз на девушку своего друга. Ради Бога, ведь вокруг целые толпы женщин!

Но он не смог удержаться – протянул руку и вытер перчаткой влагу с ветрового стекла, чтобы лучше видеть.

Девушки сделали еще две ходки к машине. Однажды они взглянули в ту сторону, где был припаркован грузовик, и Шейн пригнулся как можно ниже, надеясь, что они его не заметят, но затем вздохнул с облегчением и выпрямился, когда они отвернулись и вошли в церковь.

Потом они снова появились, когда Шейн увидел в зеркале заднего вида свет чьих-то фар. Светлый шевроле проехал мимо него по снегу и остановился у фургона.

Дверь открылась, и из машины вылез долговязый молодой человек. Шейн видел его недавно за ужином. У него были

светлые волосы, непокрытая голова, и широченная улыбка.

Жених?

Шейн стиснул зубы.

Затем у него на глазах парень сгреб в охапку другую девушку и закружил ее в своих объятиях. Шейн вздохнул с облегчением. Не жених. Значит, шафер. Прекрасно. Его это не волнует.

Он видел, как парень отпустил девушку, и они втроем оттащили в церковь оставшиеся цветы. Тяжелая дверь захлопнулась за ними.

Шейн не сдвинулся с места. Он ждал.

И ждал.

Чего? – спрашивал он себя в миллионный раз. Или он собирается сидеть здесь всю ночь?

Нет. Конечно, нет. Он хочет образумить ее, доказать, что Майк Даттон, кем бы он ни был, не подходящий парень для нее.

Но откуда он знает, что этот Даттон ей не пара?

Шейн крепче сжал баранку. Просто знает, и все!

Дверь церкви открылась, и парень вместе с той девушкой, которая не Милли, вышли на улицу. Девушка повернулась, сказала что-то через плечо, затем кивнула, помахала рукой и захлопнула дверь.

Белобрысый парень обнял ее, они вместе направились к фургону, забрались внутрь и уехали.

Милли осталась в церкви одна.

Шейн вылез из грузовика.

Внезапно дверь церкви отворилась, и вышла Милли.

Их взгляды встретились уже во второй раз в эту ночь.

Шейн понял, что она его узнала – сначала на ее лице появилось выражение испуга, затем настороженность, а потом робкая улыбка.

Ему нравилась ее улыбка. При виде ее он не мог не улыбнуться в ответ. При виде ее его сердце чуть не выскакивало из груди.

– Ты тот парень, который был с Кэшем, – неуверенно сказала Милли.

Точно. Кэш. Не забывай про Кэша, – напомнил себе Шейн.

– Э... ага. Я должен поговорить с тобой об этом, – ответил он. Его голос был чуть хрипловатым.

– Кэш – дурак, – выпалила она, ее улыбка пропала, а глаза вспыхнули.

На таком расстоянии Шейн мог разглядеть цвет ее глаз. Они не были зелеными, как утверждал Кэш. Скорее ореховыми, с прозеленью.

Такие глаза способны испепелить мужчину... или разжечь в нем любовь.

– Он просто сидел там... дубина дубиной, – добавила она. – Поверить не могу, он даже ничего не сказал! Ничего не сделал!

– Кэш? – Шейн уставился на нее. – А ты? Почему ты ни-

чего не сделала?

– Я? При чем тут я? Это его проблема. – Она отряхнула снег с одежды, затем обернулась и снова взглянула на Шейна. – Или он решил, что будет достаточно послать тебя шпионить за нами?

Внезапно Шейн почувствовал, что краснеет.

– Шпионить за тобой? Я никогда...

– Я тебя видела, – сообщила она. – Я видела тебя в «Бочке». Я видела тебя «У Хаггинса». Я видела твою машину у магазина. Я видела, как ты ехал за нами. Ты шпионил.

Шейн нахмурился, его щеки пылали. Но ему нечего было возразить.

– И что ты собираешься теперь делать? Бежать к нему с докладом? – Ее голос был полон презрения.

Шейн скрипнул зубами. Его палец задергался.

Она фыркнула и вскинула голову.

– Ах, да. Я забыла, – высокомерно добавила она. – Ты же хотел поговорить. Так давай. Говори.

Шейн Николс знал, что такое вызов. И не было вызова, на который он не смог бы ответить.

– Поздно разговаривать, – сказал он. – Слишком поздно.

Он схватил ее, взвалил себе на плечо и потащил к грузовику.

Вторая глава

– Какого...!

Но Шейн не слушал. Он не обращал внимания на ее негодующие вопли, на ее кулаки, стучащие по его спине, на ее яростные пинки (кроме одного, угодившего в самое чувствительное место), и просто продолжал идти.

Поддерживая ее за задницу поврежденной рукой, он распахнул другой рукой дверь грузовика, затем втолкнул девушку вовнутрь и свалил в кузов. Он перевел дыхание, увернулся от удара по голове и навалился на дверь, пытаясь ее закрыть.

– Выпусти меня отсюда! Эй! Ты! Выпусти меня! – Она колотила в дверь с такой силой, что та просто ходила ходуном.

Кляня на чем свет стоит свой больной палец, Шейн дергал ручку, пытаясь запереть дверь.

– Ты, козел! Открой дверь!

Теперь уже ходуном ходил весь грузовик.

Шейн через силу усмехнулся.

– Ни за что на свете!

Наступила тишина, как будто Милли не ожидала услышать его ответ и растерялась от неожиданности. Затем, прекратив раскачивать машину, она произнесла более спокойным голосом:

– Выпусти меня.

– Нет.

– Почему нет? Чего ты добиваешься? Ты не можешь сделать это! – Спокойствие быстро ее покинуло.

– Уже сделал.

– Ты не можешь! Я должна работать! Я еще не закончила.

– Ты закончила.

– Цветы...!

– Какое значение имеют цветы, если свадьбы не будет?

Наступила мертвая тишина.

Шейн улыбнулся, позволив ей осмыслить этот факт. Он ждал, все еще улыбаясь. Молчание затянулось.

Затем:

– Как это свадьбы не будет?

– Разве не ясно? – ответил он жизнерадостно. – Свадьба не может состояться без невесты.

Теперь тишина стала полной и абсолютной. Что ж, по крайней мере, удалось заткнуть ей глотку, – с удовлетворением подумал Шейн.

– Не будет... свадьбы? – еле слышно переспросила Милли.

Шейн на мгновение засомневался, услышав ее слабый голос, но быстро взял себя в руки, вспомнив горе Кэша и ее огорченный взгляд ему вслед.

Черт, ведь это именно то, чего ей хочется! Просто она не может сделать это сама. Ни она, ни Кэш не способны помочь себе.

Только у Шейна хватило духу навести порядок в этом бардаке.

– Никакой свадьбы, – твердо сказал он. – Это ради твоего же блага.

– Моего блага?

Шейн был уверен, что в ее голосе слышалось недоверие... и что-то еще... волнение? испуг? Он решил не придавать значения.

В конце концов, что она понимает? У нее же хватило дурачества собраться под венец с неподходящим мужчиной!

– Твоего блага, – подтвердил он. – А теперь посиди спокойно, дорогуша. Ни о чем не беспокойся, а я выкачу эту железяку на дорогу.

Он направился к кабине.

– Подожди! – заорала Милли.

Шейн остановился.

– Что еще?

Ее слова звучали приглушенно, доносясь сквозь пластиковые стенки кузова.

– Ты серьезно? Ты не выпустишь меня, пока свадьба не закончится?

В ее голосе все еще чувствовалось волнение, но сейчас к нему добавился оттенок надежды. Шейн решил, что она наконец-то образумилась.

Пора бы. Только вот...

– Свадьбы не будет. Помнишь?

– Ах, да. – Ее голос слегка дрогнул. – Я забыла.

Шейн широко раскрыл глаза. Судя по всему, умом она не блещет. Видимо, Кэшу нравились ее волосы и глаза, а вовсе не интеллект.

Что ж, для некоторых женщин... таких как она... и этого достаточно.

Нечего об этом думать, – одернул себя Шейн. Он глубоко вздохнул.

– Просто сядь на одну из этих коек и отдыхай.

– Отдыхать? Когда меня похитили?

– Тебя не похитили. Считай, что ты... – он запнулся, подбирая верное слово, – в командировке.

– В командировке? – Сколько сомнения можно вложить в одно единственное слово.

– Что-то вроде. – Шейн сгорбился под ударами ветра. – Я не собираюсь торчать тут под чертовым бураном и спорить с тобой. Выкуп за тебя мне не нужен, как ты могла догадаться. Так что просто сиди и не мешай.

* * *

И куда теперь ехать?

Не каждый день Шейну приходилось похищать женщин. Поскольку он не собирался делать этого до того самого мгновения, когда Милли осмелилась бросить ему вызов, он понятия не имел, куда ее везти.

Вряд ли имеет смысл тащить ее к Мэйсу и Дженни.

Его братец – человек покладистый. Но после того, как Шейн объяснит, почему ему пришлось везти подружку Кэша в запертом кузове, вряд ли Мэйс примет его с распростертыми объятиями. И Дженни наверняка решит, что он подает детям плохой пример.

Что из этого следует?

Он не может отвезти ее в мотель. Стоит только отвернуть-ся, как она тут же бросится к телефону и вызовет подмогу.

Но и разъезжать вместе с ней по округе он не может. Только не в такую погоду.

Шейн не знал, сколько еще он сможет просидеть за рулем. Снегопад был таким сильным, что когда Шейн выбрался на окраину Ливингстона и направился на север в долину, дорога была еле видна.

Нужно найти место, где можно спрятать Милли до дня свадьбы, и добраться туда как можно скорее.

Блуждая взглядом по едва различимым вдали предгорьям, он вспомнил про хижину.

Принадлежала она Таггарту Джонсу. Но Таггарт был добрейшей души человеком. Он не обидится, если Шейн займет его хижину на время.

Множество людей пользовались этой развалюхой на протяжении долгих лет. Мэйс и Дженни провели там медовый месяц. Мэйс возвращался туда в прошлом году, когда был в дурном настроении и пытался убедить себя, что Дженни

без него будет лучше. Таггарт и сам пользовался хижинкой после своей первой женитьбы. И Джек МакКолл, еще один друг Мэйса, жил в ней со своим племянником еще то того, как женился на дочке старика Джемисона и переехал на соседнее ранчо. А еще Мэйс говорил, что брат тестя Ноа жил в ней какое-то время. Следовательно, – решил Шейн, – она доступна любому, кто в ней нуждается.

Даже похи... то есть, командированной девушке.

Он не думал, что кто-то сейчас живет в ней. А как только они туда приедут, никто их не побеспокоит. Не сможет побеспокоить!

Там нет телефона. Нет мощеной дороги. Оттуда невозможно будет сбежать, после того как Шейн выведет из строя грузовик. И вряд ли кому-то придет в голову искать там пропавшую невесту.

Шейн набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул, радуясь такому замечательному решению. Кэш просто не поверит, когда вернется и обнаружит ожидающуюся его Милли.

Видите? Есть дела, которые способен провернуть даже парень с большим пальцем!

* * *

Такого они не ожидали.

К тому времени, когда Шейн отыскал дорогу, снега на-

мело дальше некуда. Остановившись, чтобы открыть ворота, Шейн всерьез испугался, что не сможет сдвинуться с места. Но новые покрышки, купленные осенью, стоили потраченных на них денег, и четырехколесный привод, которым Шейн почти не пользовался в своих поездках, себя оправдал.

Но все равно ему понадобилось больше часа, чтобы преодолеть участок, на который в хорошую погоду ушло бы не более пятнадцати минут. Однажды он чуть не свалился в кювет. Дважды пришлось отъезжать назад и взбираться на холм с разгона.

Один раз ему удалось. Второй раз – нет. Они почти добрались до места, когда удача его покинула.

Шейну пришлось остановиться на середине склона и подняться пешком, чтоб убедиться, что он движется по дороге. Как только он вышел из машины, резкий порыв ветра швырнул ему в лицо охапку снега, словно пытаясь ослепить. Сгорбившись, Шейн засунул больную руку подмышку и полез вверх. Сзади доносился стук в окошко.

Опустив голову и надвинув шляпу как можно ниже, Шейн, не обращая внимания на стук, побрел навстречу ветру. Поднявшись на вершину горы, он уже начал склоняться к мысли, что ему стоило выбрать в качестве убежища более доступное место. Он подумывал о том, чтобы вернуться.

Один взгляд назад развеял эту идею. Грузовик был еле виден. Ветер почти замел проложенную им колею. Дорога позади машины различалась ничуть не лучше, чем впереди.

Шейн отвернулся и начал рассматривать то, что можно было увидеть вокруг. Большой частью пейзаж представлял собой сплошную белизну. Различив вдали несколько деревьев, Шейн попытался прикинуть, как относительно них проходит дорога. Сообразив, он повернулся и двинулся в обратный путь.

Милли прильнула лицом к стеклу. Она застучала снова.

Шейн покачал головой. Сейчас не время спорить.

Она что-то сказала, но ее голос был заглушен порывами ветра.

Шейн снова покачал головой. Он остановился не для того, чтобы разговаривать. Через полчаса эта дорога станет непроходимой. Черт, может, она уже непроходима.

Он влез в кабину, повернул ключ зажигания, прошептал молитву, опустил ногу на педаль газа и осторожно нажал, чтобы сдвинуться с места.

Он сдвинулся. Настолько, что боком заехал в кювет.

– Проклятье!

Шейну не надо было вылезать из машины, чтобы понять: сам он на дорогу не выберется. Даже если будет рыть снег несколько часов напролет. А он не может рыть несколько часов. Потому что палец болит.

Он шепотом выругался.

Стук в окно позади заставил его подскочить от неожиданности. Он вздохнул. Теперь у них есть целая вечность на разговоры.

Шейн вылез наружу и направился к кузову.

– Что?

– Мне нужно в туалет.

Он мрачно улыбнулся и обвел рукой белый пейзаж.

– Чувствуй себя как дома.

Милли вспыхнула.

– Ты хочешь сказать, что мы застряли?

Шейн нахмурился.

– Это временно.

– Как и мое похищение?

Шейн снова сгорбился под особенно сильным порывом ветра. Это не так, – убеждал он себя, вопреки обвиняющему взгляду ее ясных ореховых глаз.

– Вот именно, – грубо ответил он. Черт, уже угрызения совести начинаются. Она еще спасибо ему скажет. Разве он не спас ее от самой себя? Он ведь не виноват, что снег такой сильный.

– Идем, – сказал Шейн. – Мы сможем дойти пешком. В хижине есть ванная комната.

Милли выпрыгнула из кузова, встала рядом с ним по колено в снегу, и осмотрелась по сторонам.

– В какой хижине?

– Вон там. Над дорогой, – рассеянно ответил Шейн.

Она посмотрела на падающий снег.

– Какой дорогой?

Шейн скрипнул зубами.

– Идем. Я покажу. – Он взял ее здоровой рукой за локоть и подтолкнул в нужном направлении.

– А в этой хижине есть обогреватель?

– Да.

Естественно, он был сломан. А еще, как выяснил Шейн, когда они наконец доковыляли до дома, не было воды. Поэтому туалет не работал.

Он сможет починить и то, и другое. Но пока...

– За домом был старый туалет.

– За домом? – Милли смотрела на Шейна широко раскрытыми глазами.

Он раздраженно пожал плечами.

– Я все починю. А пока привыкай к тому, что есть. Прости, что это не четырехзвездочный отель. Я не догадался приехать сюда и все подготовить. Видишь ли, я ведь не планировал это!

В ее огромных глазах появилось неопишемое выражение простодушия и насмешки.

– Никогда бы не подумала.

* * *

Он не мог зажечь спичку одной только левой рукой. Видит Бог, он пытался.

Шейн чиркал, чиркал снова и снова. Тяжело было просто достать спичку из дурацкого короба. Затем он никак не

мог царапнуть ею под нужным углом. Спички ломались, с них сдиралась сера. Наконец, одна из них загорелась, но тут же была погашена ворвавшимся в дверь сквозняком, когда Милли вернулась из туалета.

– Черт побери! – Весь пол был засыпан спичками.

Милли ошеломленно взглянула сначала на Шейна, сидящего на полу у камина, затем на спички, затем на его забинтованную руку.

– Что случилось?

Шейн знал, что спрашивает она не про спички.

– Долго рассказывать.

Она многозначительно взглянула в окно на бушующий за стеклом буран, и стряхнула с одежды слой снега.

– По-моему, времени у нас более чем достаточно. Итак, я повторяю, что случилось?

– Я оторвал себе большой палец.

У Милли отвисла челюсть.

– Нарочно?

– Конечно, нет! Я помогал девушке выгрузить вещи из трейлера, а трос оборвался, и лошадь испугалась, и мне зажал палец, и... – Он пожал плечами. Такого рода ранения вряд ли способны вызвать сочувствие.

Объяснение было принято.

– Ты участвовал в родео вместе с Кэшем. – Затем, снова взглянув на его повязку, Милли добавила, – Это ужасно.

– Ага. Но я подобрал его. И мне снова его пришили. –

Шейн отвернулся и начал мучить очередную спичку.

– Ты его подобрал? Твой палец?

А что еще оставалось делать?

– Да, а что?

Милли пожала плечами, а затем протянула руку.

– Дай сюда. – Она присела рядом с ним, отобрала у него коробок и решительно выхватила спичку. – Вот значит, что мы зажигаем? – Она кивнула в сторону щепок и скомканной бумаги, лежащей в камине.

– Я думал, это поможет быстро обогреть дом. – Шейн поморщился, сообразив, что свалил дурака. – А затем я собирался выйти наружу и разобраться с топливным баком.

Милли чиркнула спичкой, спрятав ее в ладони, поднесла к камину и подожгла бумагу. Пламя занялось, перекинулось на поленья, припасенные кем-то загодя, начало разгораться.

Стало чуть теплее. Милли уселась на пятки и протянула руки к огню. Затем глубоко вздохнула и с улыбкой повернулась к Шейну.

– У нас получилось.

– Ага.

Но Шейн и без того согрелся, и огонь был не при чем. Внутри у него разгорался настоящий пожар. И все из-за ее улыбки.

Он понял, почему Кэш рад оказаться у нее под каблучком. Она умела так взглянуть на человека, что тому хотелось улыбнуться. Хотелось дышать полной грудью. От ее взгля-

да маленькие волоски на теле вставали дыбом. И много чего еще происходило.

Кэш, – напомнил себе Шейн. – Она принадлежит Кэшу.

Он встал.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – ответила Милли, по-видимому, не заметив его чисто мужскую реакцию. Она откинула назад волосы и, все так же улыбаясь, глядела на него.

Шейну вдруг захотелось, чтобы она не делала этого. Не трогала волосы. Не улыбалась. Не смотрела.

Он попятился и, заплетающейся походкой, бросился к двери.

– Пойду проверю бак с горючим.

– Если понадобится спичка, позови меня, – откликнулась Милли.

Ни за что на свете, милая.

* * *

Спичка Шейну не понадобилась.

Ни для того, чтобы отыскать топливный бак. Ни для того, чтобы согреться. Благодаря постоянной реакции своего тела на присутствие Милли, ему было достаточно тепло!

Шейн без проблем починил вентиль подачи топлива. Но все равно остался снаружи, разговаривая сам с собой, напоминая себе, что не должен посягать на девушку, принадле-

жашую другому.

Никогда. Ни за что. Ни при каких обстоятельствах.

Только когда он возьмет ситуацию под контроль, когда поймет, что сумеет относиться к Милли с полнейшим безразличием, когда будет уверен, что сможет не обращать на нее внимания, только тогда он вернется в дом.

Шейн нагнулся, чтобы осмотреть обогреватель, и обнаружил, что нужна еще одна спичка, чтобы зажечь фитиль.

– Черт!

– Вот. – Он вздрогнул при звуке голоса Милли и, повернувшись, увидел, что она склонилась к нему и протягивает зажженную спичку. – Я это сделаю.

Она была так близко, что Шейн мог чувствовать щекой ее дыхание. Его тело тут же забыло все размышления о безразличном отношении. Шейн собрался с духом и повернул переключатель.

Милли зажгла фитиль, но отодвигаться не стала. Осталась там же, где и была. Ее волосы скользнули по плечу Шейна. Ее колено касалось его ноги. Наверное, она могла даже слышать биение его сердца.

Убедившись, что вырабатывается достаточно напряжения, Шейн снова повернул переключатель. Фитиль продолжал гореть.

Милли радостно улыбнулась.

– Получилось!

Шейн был об этом другого мнения. Он отшатнулся и бук-

важно бросился к термостату, установив его на самый высокий уровень... хотя лично ему тепла было вполне достаточно!

– А мы не включим водонагреватель, раз мы здесь?

– Конечно, – выдавил Шейн. – Почему бы нет?

Он хотел сказать: «Не дыши мне в ухо!» Он хотел сказать: «Убирайся. Я сделаю это сам.» Но он не мог сказать такое, и знал, что не может.

Поэтому они проделали это вместе.

Когда фитиль остался гореть, Милли наградила Шейна очередной своей улыбкой. На этот раз Шейн заранее собрался с духом.

Помогло. Но не очень.

Шейн надеялся, что станет полегче, когда она снимет куртку. Но нет. Шейн смотрел, не отрываясь, как она идет к камину, потягивается и запрокидывает голову, выставляя напоказ свою длинную шею. Ее глаза прикрыты. Ее волосы струятся по спине, капли растаявшего снега стекают по волосам и с шипением падают в камин. Ее соски торчат сквозь мягкую темно-зеленую шерсть свитера, словно напрашиваясь на ласку, на прикосновение.

Ласку Кэша.

– Я пошел, – буркнул Шейн.

Ее глаза распахнулись.

– Куда?

– Не насовсем, – быстро пояснил он. – К грузовику. Что-

бы... забрать вещи.

– Хочешь, я схожу с тобой?

– Нет! Ты останешься здесь. Грейся. – Он только сейчас заметил, что на ней не сапоги, а ботинки. – Почему ты не сказала? – спросил он, взглядом указывая на ее ноги. – Я бы тебя нес. Ты... явно одета не для...

– Командировки? – подсказала Милли, с улыбкой изогнув бровь.

Шейн почувствовал себя круглым идиотом.

– Это ради твоего же блага, – промямлил он.

– Да, – ответила она, – так и есть.

Шейн моргнул.

– Ты так считаешь?

– Конечно.

Он неуверенно улыбнулся и перевел дух.

– Что ж, я рад, что ты наконец поняла это. И я верну тебя домой, как обещал. Сразу, как только свадьбу отменят.

– Ты думаешь, нам удастся выбраться отсюда?

Их взгляды встретились. Шейну показалось, что их тянет друг к другу, словно магнитом. Ему пришлось отвернуться, чтоб только не броситься к ней через всю комнату.

– Я сделаю все возможное, – ответил Шейн. И он никогда еще не был так уверен в правдивости своих слов.

Возьми себя в руки, — сказал он себе. — Тебе и раньше встречались красивые девушки. Так что нечего пускать слюнки при виде этой.

Наверное, Шейну следовало взять свой спальный мешок и заночевать где-нибудь подальше от нее. С трудом пробираясь к месту, где оставил грузовик, Шейн все еще думал о женщине, способной производить такое неизгладимое впечатление на мужчин.

Кэш, вокруг которого вьются толпы поклонниц, хочет только ее. Майк Даттон тоже хочет ее настолько, что готов жениться.

И Шейн... что ж, ни одна девушка так его не возбуждала с тех пор, как он окончил школу!

Но он уже не школьник. И слава Богу.

Ему тридцать два года. Он повидал Нью-Йорк и Сан-Франциско, и тысячу городов между ними. С тринадцати лет он проехал столько миль, что и не сосчитать. Он вырос, стал взрослым. Он не совершал явных глупостей вот уже несколько лет... или, по крайней мере, несколько месяцев.

И сейчас не собирается.

Может, это было слегка... необдуманно... отправить девушку Кэша в командировку, но Шейн действовал из лучших побуждений.

Он вспомнит все эти чистые побуждения, — клялся себе Шейн, вытаскивая из кузова спальный мешок и вешая на плечо дорожную сумку.

Он вернется в хижину и будет вести себя вежливо, прилично и холодно... как истинный джентельмен.

Но, — подумал он, открыв дверь и увидев ее, сидящую у камина, ее длинные темные волосы, ее румяное лицо, ее смеющиеся глаза и губы, — чертовски ясно, что это будет нелегко.

Решительно сняв перчатку, он смахнул снег с сапог и протянул руку.

— Кажется, нас не представили друг другу. А поскольку Кэш не может почтить нас такой честью, — он смущенно улыбнулся, — придется мне сделать это за него. Я Шейн Николс.

Она встала, пересекла комнату и, улыбаясь, ответила на рукопожатие.

— Роза Гамильтон.

— Очень приятно... — Он умолк, вздрогнул и нахмурился. — Роза? Но... Кэш говорил, что тебя зовут Милли.

— Нет... не совсем. — Казалось, она чувствует себя виноватой. — Я думала, как лучше тебе сказать...

— Сказать что?

Она беспомощно пожала плечами.

— Ты похитил не ту девушку.

Третья глава

Сотрясение мозга может привести к таким последствиям.

С годами человек теряет способность мыслить, способность сложить два плюс два, забывает значения самых простых слов. Шейн слышал об этом. Но не верил до сегодняшнего дня.

– Что ты сказала?

Должно быть, это результат всех его сотрясений. Это не может быть...

– Что значит, не ту девушку?

– Я не Милли.

– Конечно, ты Милли!

Что за дурацкую игру она ведет? Неужели думает, что он отвезет ее назад и обменяет на кого-то другого?

– Нет. Это ты почему-то принял меня за Милли. – Она взглянула на него с надеждой. – Ты ее хотел украсть, – подытожила она.

Шейн тупо смотрел на нее.

– Я знаю, кого я хотел украсть! – крикнул он. – И, черт возьми, я говорил тебе, что никого не крал!

– Прости. Отправил в командировку.

Шейн кивнул.

Но затем она покачала головой и окинула его сочувственным взглядом.

– Итак, будем считать, что я в командировке. Но я не могу изменить себя. Я Роза. А вовсе не Милли.

Он взглянул на нее, все еще ошеломленный ее словами, и произнес единственную вещь, о которой успел подумать.

– Докажи.

Она со вздохом пожала плечами. Пересекла комнату, взяла свою куртку и, порывшись в карманах, вынула кошелек. Открыла его и снова подошла к Шейну.

– Мои водительские права.

Естественно, на снимке была она. Ее сияющие глаза, ее убийственная улыбка, ее роскошные волосы. Кто еще умудрится выглядеть так шикарно на фотографии для водительского удостоверения?

Затем Шейн взглянул на ее имя.

Не Милли.

Но и не Роза, – заметил он с радостью.

– Тут написано, Джорджия, – ткнул он пальцем. – Джорджия Уинтроп Гамильтон.

Она поморщилась.

– Мое настоящее имя. Меня называли в честь отца.

Шейн уставился на нее.

– Насколько мама ему позволила, – пояснила она. – Я была их единственным ребенком. Они знали, что больше детей у них не будет. Наверное, отец окрестил бы меня Джорджем, если бы осмелился. Но мама настояла на Джорджии. А сама называла Розой.

– А откуда мне знать, что она не называла тебя Милли?

– Причины не было, – заявила девушка таким тоном, словно ее ответ был вершиной логики.

Шейн не понял. Похоже, он слишком многое не понимает.

– Мама говорила, что когда я была маленькой и плакала, мое лицо становилось, как алая розочка. Отсюда... мое имя. – Она смущенно пожала плечами и улыбнулась. – У мамы было своеобразное чувство юмора.

Заметно.

Шейну подумалось, что ему бы чувство юмора сейчас не помешало.

Эта девушка – не Милли?

Он попробовал восстановить в памяти вечер, проведенный с Кэшем в «Бочке». Из них двоих пил только Кэш, но не Шейн. Пожалуй, он мог бы совершить ошибку, если бы был пьян. Так ведь у него во рту и капли виски не было. Зато вкус имбирного пива вспоминается очень отчетливо.

Шейн покачал головой.

– Но он говорил... – Он усиленно пытался припомнить, что именно сказал ему Кэш.

Красотка с темными волосами – вот его слова.

Что ж, там была только одна красотка с темными волосами.

Или только одна, которую заметил Шейн.

Шейн застонал. Он прикрыл глаза и почесал переносицу. Перед его глазами возникла эта сцена. Две девушки бы-

ли блондинками. Две другие – брюнетками. И у обеих были длинные волосы.

Но только одна из них была красивой.

Вторая девушка – та, что уехала в фургоне цветочницы вместе с парнем из церкви.

Вторая девушка...

Милли?

– Та, что уехала в цветочном фургоне? – еле слышно сказал он, беззвучно молясь, хотя в глубине души уже знал, что его молитва услышана, и ответ на нее отрицательный.

На фургоне была какая-то забавная вывеска. То ли «Цветы Дейзи», то ли «Розы...»

– Это была Милли, – кивнула девушка. – Она одолжила у меня фургон.

Шейн посмотрел на нее обвиняющим взглядом.

– Так ты цветочница?

– Я цветочница.

Шейн разъярился окончательно.

– Тогда почему она забрала твой долбаный фургон?

– Приятели Майка собирались вечером украсить его машину. Знаешь, навешать всяких лозунгов, типа «Молодожены», и прицепить к бамперу консервные банки. Они попросили оставить машину у церкви. Милли приехала вместе со мной, чтобы заняться цветами. Она помогает мне в магазине. А потом Майк заехал за ней, и я позволила им взять на вечер мой фургон. Мне он не нужен. Я живу буквально в

двух шагах от...

– В квартире над книжным магазином, – мрачно подсказал Шейн.

– Вот-вот. Я собиралась вернуться домой пешком. Но появился ты и...

Шейн клянул зубами. Он сорвал с головы шляпу и швырнул ее через всю комнату.

Он окинул мисс Джорджию... Розу!... Гамильтон гневным взглядом.

– Так какого черта ты не сказала мне раньше? Ты позволила мне это сделать!

Она возмутилась.

– Значит, это я виновата?

Шейн горделивой поступью пересек крохотную комнатушку и остановился возле Розы, глядя на нее с еще большей яростью.

– Конечно, ты! Ты могла меня остановить!

– Как? Заявить, что я не Милли? И ты бы мне поверил?

Шейн сжимал в кулак и разжимал здоровую руку. Он не знал, поверил бы ей или нет.

Скорее всего... нет.

Он бы решил, что она лжет с целью удержать его от поступка, который необходимо было совершить. И эта мысль довела его до белого каления!

Он взъерошил рукой волосы. Он шепотом выругался. Произнес такие слова, за которые мама заставила бы его вы-

мыть рот с мылом. Ему было приятно увидеть, как округлились глаза мисс Джорджии... Розы!... Гамильтон. А потом он смутился, потому что обидел ее.

Шейн плотно сжал губы.

– Прости, – буркнул он. Он отвернулся и уставился в окно, за которым мела пурга. Его голова кружилась, как снежные хлопья.

Колеса грузовика пробуксовывали, когда он пытался выехать из кювета. Выбраться из кювета не получится. Они застряли.

Шейн повесил голову. Его глаза закрылись.

– Хреново.

Чья-то рука коснулась его плеча. Он вздрогнул.

– Ты хотел сказать, здорово, – нежно произнесла Роза.

Шейн отшатнулся.

– Угу.

– Это был... благородный поступок с твоей стороны.

Шейн фыркнул.

– Тем более, что это вовсе не твоя проблема. – Она встала с другой стороны, чтобы видеть его лицо, но он не хотел смотреть на нее. – Видишь ли, это дело Кэша. А не твое. Кэш обязан был что-то предпринять.

– Ему пришлось уехать!

– Ему всегда приходится уезжать, – раздраженно заметила Роза. – Милли уже тошнит от этого.

– Поэтому она выходит замуж за другого?

– Нет, она выходит за человека, который не уезжает от нее. Который постоянно доказывает ей своими поступками и словами, что она значит для него больше, чем какая-то дурацкая лошадь.

– Но это же Свобода, – возразил Шейн.

– Да хоть сам Пегас! Ни одна женщина не согласится вечно оказываться на втором месте после лошади.

– Не вечно. А только до вторника.

Роза широко раскрыла глаза.

– Ты не понимаешь меня, правда? Ты такой же, как Кэш.

– Думаю, да, – упрямо сказал Шейн. – Я еще не встречал женщину, которую не смог бы променять на хорошего быка.

– Что ж, зато честно. – Роза глубоко вздохнула. – Но если Кэш действительно так считает, то почему Милли обязана выходить замуж за такого мужчину, как он?

– Потому что он ее любит.

– Он не знает, что такое любовь! И, – она фыркнула, – по-видимому, ты тоже не знаешь.

Шейн взглянул на нее, оскорбленный в лучших чувствах.

– Я не из тех, кто женится!

– А кто за тебя пойдет?

Как ни странно, это его задело. Он скрипнул зубами.

– Поживем, увидим, – прошипел он.

Но, если честно, Шейн не был уверен, что среди фанаток, с которыми он встречался на протяжении долгих лет, найдется хотя бы одна влюбленная дурочка, желающая стать

спутницей его жизни.

Но это не важно, ведь он и не предлагал!

– Я согласна, – кивнула Роза. – Поживем, увидим, – добавила она, сообразив, что он не сразу понял, что она имеет в виду. – Зато с завтрашнего дня Кэш сможет ездить на любой лошади, на которой только захочет. Милли выйдет за Майка и будет счастлива. – Она вздернула подбородок, ожидая, что Шейн начнет спорить.

Он не стал спорить.

Она права.

Может, ошибается только в отношении счастья. Время покажет. Но завтра, где бы ни был Кэш, на какой бы лошади он ни ехал, нравится это ему или нет, Милли выйдет замуж за Майка.

Потому что Шейн похитил не ту девушку.

Он направился к двери.

– Куда ты идешь?

– Вытаскивать грузовик. Отвезти тебя домой. Мы здесь не останемся.

– Но он застрял! Там метель метет.

– И не шуточная, – выдохнул Шейн. Но это не оправдание. Он притащил сюда девушку в снегопад. Теперь он должен увезти ее обратно.

– Подожди!

Но Шейн не стал ждать. Он на ходу набросил куртку и начал застегивать молнию, уже пробираясь по снегу. Он услы-

шал, как Роза – теперь Шейн привыкал думать о ней как о Розе – выскочила в дверь вслед за ним. Он обернулся.

– Ведь ты без сапог.

– Я нашла старые сапоги под креслом.

Без сомнения, остались от прежних хозяев. Шейн смотрел, как она бредет вслед за ним в слишком больших для нее сапогах.

– Возвращайся и жди меня. Я заберу тебя, когда вытащу грузовик.

Но она не остановилась. Упрямо шла вперед.

– Нет. Если ты и дальше собираешься валять дурака...

– Что ты хочешь сказать? – нахмурился Шейн.

Но она не ответила, просто поравнялась с ним и потащилась рядом. Не важно. Шейн и так знал, что она имеет в виду.

– Ты должен пообещать, – задыхаясь от быстрой ходьбы, потребовала Роза, – что не станешь похищать Милли.

– Я думаю, – прошипел Шейн сквозь зубы, – что на сегодня с похищениями покончено.

Она ослепительно улыбнулась.

– Хорошо.

Грузовик занесло снегом до середины дверей. Шейну пришлось разгребать снег рукой, прежде чем он смог открыть дверь и достать лопату. Роза тем временем очистила ветровое стекло и смахнула снег с капота. Копать одной здоровой рукой было ужасно неудобно, и работа двигалась еле-еле. Шейн знал, что Роза уже перестала сметать снег, и те-

перь просто смотрит на него.

– Хочешь, подменю тебя? – предложила она.

– Нет.

Но вскоре ему пришлось остановиться и отдохнуть. Тут же Роза схватила лопату и принялась копать с того места, где он закончил. Шейн почувствовал себя бесполезным, стоя рядом с ней, пытая и отдуваясь, глядя, как она разгребает плотный снег. Не прошло и минуты, как он отнял у нее лопату.

– Я это сделаю.

Снова поднялся ветер, взметая снежные вихри. Чем больше Шейн копал, тем хуже у него получалось. Наконец, он сказал:

– Давай. Залезай внутрь. Мы не можем копать в таких условиях. Хотя бы попробуем тронуться.

Они усадились в машину, и Шейн повернул ключ зажигания. Мотор заурчал. Колеса закрутились. Грузовик забуксовал.

Шейн выругался. Он подал чуть вперед, затем дал задний ход, надеясь чуточку разогнаться, надеясь выбраться из сугроба.

Но он зарылся еще глубже. Скрипнули покрышки, сильнее погружаясь в снег. В кабине запахло паленым. Грузовик остался на прежнем месте.

В конце концов Шейн заглушил двигатель и стукнул кулаком по баранке.

– Черт.

– Ничего страшного, – сказала Роза.

Это был обман, который ничего не менял. Шейн почувствовал ее прикосновение и, обернувшись, увидел, что она тянет его за рукав.

– Все в порядке, – повторила она. – Идем. Вернемся в дом.

Шейн оставил лопату в машине. Они взобрались вверх по склону и начали спускаться с другой стороны холма. На спуске Роза поскользнулась, и Шейн схватил ее, удержав от падения.

– Осторожно!

Она повернула голову и улыбнулась, и Шейн почувствовал то самое влечение, которому безуспешно пытался сопротивляться с самой первой встречи.

Только сейчас он осознал, что она – не девушка Кэша.

Его словно громом ударило.

Шейн посмотрел на нее еще раз. Пристальным, оценивающим взглядом. С надеждой. Она взглянула на него... и да, в ее глазах это тоже читалось.

Шейн улыбнулся.

Что бы там ни говорил Кэш, Роза определенно была хорошенькой.

Если честно, хорошенькая – еще слабо сказано. Ее роскошные волосы составляют только часть ее привлекательности. У нее прекрасная кожа – даже покраснев на ветру, она не огрубела, а словно ожила. Шейну нравились ее высокие скулы, ее прямой носик и пухлые губы. Благодаря им ее лицо

казалось более чувственным.

Он хотел прикоснуться к ней. Теперь он уже мог взять ее под ручку и отвезти в хижину.

На этот раз внутри их встретило блаженное тепло. Огонь в камине почти погас, и Шейн подбросил дров, скорее для уюта, чем для обогрева.

– А как насчет покушать?

Роза покачала головой.

– Я еще не успела проголодаться. Плотно поужинала.

– Не против, если я приготовлю?

Шейн видел, как в обеденный зал вносили огромные блюда с едой, пока он попивал в баре свое имбирное пиво. Гости кушали ребрышки и фирменный печеный картофель. А Шейн тем временем грыз орешки и сжевал горсть чипсов, усиленно думая, как бы ему выручить Кэша и Милли.

Лучше бы он больше ел, а меньше думал.

– Вовсе нет, – ответила Роза. – С радостью помогу.

Шейн достал банку с чили из буфета, вытащил из ящика консервный нож и остановился в задумчивости. Он взглянул на банку, на открывалку, на свою забинтованную руку и пожал плечами.

– Кажется, без помощи мне не обойтись.

Роза взяла у него консервный нож и открыла банку. Шейн залюбовался ее руками. Изысканными, с длинными пальцами. Он представил себе, как эта ладонь гладит его по щеке. Он представил, как целует эти пальчики один за другим.

– Нечего столбом стоять, – поторопила его Роза. – Тащи кастрюлю.

Шейн моргнул и залился краской.

– Точно. – Он достал кастрюлю и поставил ее на плиту. Роза вывалила в нее чили и перемешала ложкой.

– Я этим займусь, – сказала она. – А ты не мог бы тем временем на стол накрыть?

Накрывая на стол, Шейн расспрашивал ее о «Розовом саде».

– Как ты стала цветочницей?

– Мне нравится ухаживать за растениями. Мне нравится играть с красками. Мне нравится говорить без слов. – Ее глаза сияли восторженным светом. – Аранжировка цветов дает мне возможность заниматься всем этим. Я люблю свою работу. Как будто мне подарили всю эту природную красоту и попросили сделать ее еще прекраснее.

– Ты давно этим занимаешься?

– Магазин у меня уже три года. Я работала в нем во время учебы в колледже, а потом выкупила у бывшего хозяина, когда он ушел на пенсию. – Роза наложила полную миску чили и вручила Шейну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.